

16.06.99

Формула счастья Оксаны Мысиной

Рос. газета - 1999 - 16 июня - с 8

У нее еще нет звания заслуженной или народной. Но уже есть известность, имя в первом десятке имен молодых московских актрис. Оксана Мысина играет главные роли в самых шумевших спектаклях столичных театров: МХАТа, Нового, ТЮЗа, театра имени Станиславского.

— Оксана, как у вас получается играть одновременно в нескольких театрах?

— Я работаю по контракту и считаю себя свободным человеком.

— А как же Щепкинское училище, традиционная, сильная московская школа, наконец, распределение?

— Распределение — в Малый. Но мой педагог Михаил Иванович Царев, которого я очень любила (я вообще безумно любила всех своих педагогов), сказал: "Мысина (он так произносил мою фамилию), я вам советую идти с ребятами. (А мы собрались нашим выпуском создавать театр). Потому что в Малом театре вы можете долго просидеть без ролей". Я его послушала. Восемь лет проработала в театре "Модерн" на Спартаковской у Светланы Враговой. Там играла главные роли: Елену Сергеевну в спектакле "Дорогая Елена Сергеевна", роль сумасшедшей актрисы в моноспектакле "Видео", которая, впрочем, высказывает очень здравые мысли об этом мире. Это была по тем временам штука очень экстравагантная, жесткая и авангардная. А у Сухово-Кобылина в "Расплюевских днях" исполняла обе женские роли: и Мавруши, и Брандахлыстовой. Сначала в разное время, а потом и в одном спектакле.

Когда меня пригласил Борис Александрович Львов-Анохин сыграть в Новом театре в "Письмах Асперна", я почувствовала вкус большой сцены. Это чувство не оставляет меня и по сей день.

— Над чем вы сейчас работаете в МХАТе?

— Это пьеса Николая Николаевича Евреинова, которую ставит Роман Козак. Роль моя называется "танцовщица-босоножка". Когда я прочла пьесу, которую мне прислал Роман, то очень удивилась. Там написано: "молоденькая, хорошенькая", а я-то тут при чем? Спросила: "У вас не хватает молодых или хороших?" Но он меня долго убеждал: в пьесе не об этом речь, и надо попробовать. Собралась замечательная компания: Виктор Гвоздицкий, Александр Феклистов... Такое партнерство, большая сцена МХАТа, режиссура Романа Козака меня подкупили, и я согласилась. Да и роль для меня необычная: мне придется много танцевать, переодеваться, перевоплощаться...

— А вы не мечтаете о театре, где можно жить, взрастать, стариться, о театральной семье, то есть о классическом русском репертуарном театре?

— С одной стороны, это хорошо: театр, дом, семья. Но, с другой стороны, артист может жить и умереть в этом доме, не сделав того, ради чего он пришел в театр. Таких случаев очень много. Но из-за того, что наше театральное де-

ло устроено именно так, что артисту в общем-то податься особенно некуда, то все сценозависит от любого каприза режиссера. И молчать, и терпеть, и смиряться. А как можно смирявшемуся человеку выходить на сцену? Это серьезный вопрос. Я думаю, что артист должен быть свободен от всего: от себя, от улицы и даже от режиссера.

— Это мало у кого получается. Знаете ли вы примеры, кроме собственного, чтобы актриса была столь свободна у нас в стране? Да и сами вы свободны ли от воли режиссера?

— Слава Богу, меня приглашают разные театры. Но и мне этого было нелегко добиться. Не потому, что я не люблю театр, а потому, что я не хочу зависеть от чего-либо давления. Не творческого. Творческое давление обожаю и не боюсь, что на меня могут накричать, сама могу себе вести на репетиции не очень-то вежливо. Это, по моим понятиям, входит в творческий процесс.

Что же касается других примеров, то я знаю, что Таня Васильева работает независимо. Но она в основном работает в антрепризных проектах, а я таким образом — в стационарных театрах.

— Вам довелось сотрудничать с самыми известными современными режиссерами... Как с ними работало?

— Знаете, если бы сейчас я захотела пойти в какой-то определенный театр, я настолько "завязана" любовью к другим режиссерам, что даже не смогла бы этого сделать, чтобы не обидеть всех остальных. Все режиссеры работают по-разному, все друг друга не любят и не любят творчество друг друга. И это нормально.

А я люблю работать с разными режиссерами. Очень люблю работать с Львовым-Анохиным, люблю его как личность — он интеллигентный, тонкий, трепетный человек. Борис Александрович, когда в хорошем настроении, любит высказывать на сцену и все показывать. Делает это так обязательно, трогательно и непосредственно, что кажется — повторить невозможно. Он очень открытый человек, и его поразительная открытость очень заразна.

А когда мы репетировали с Камой Гинкасом, его сын Даня у меня спросил: "Ну что, Гинкас еще не бился головой об роуль?" Я испугалась: "Да нет..." — "Не волнуйся — будет". Действительно, он че-

Александр МЕДИАНОВ

ловек очень эмоциональный, а во время спектакля, если ему что-то не по душе, может биться головой об стенку. Как дытел. Все привыкли, и я отношусь к этому совершенно спокойно. Но работу с ним я вспоминаю как счастье. Спектакль по Достоевскому "К. И. из "Преступления" мы сделали за полтора месяца. Там в первой части зрители смеются, а во второй — плачут. А я хохотала все репетиции.

— В каком состоянии, по-вашему, находится сейчас российский театр?

— Я считаю, что, когда на московской сцене появилось творчество Петра Фоменко, когда пошли спектакли Камы Гинкаса, вовсе заявил о себе Валерий Фокин, началась эпоха Золотого века в театре. Я думаю, что эти личности определяют будущее театрального дела.

Я уже не говорю о том, что сейчас есть и новые имена — Гарик Стрелков, Володя Мирзоев, Борис Юхананов. Идет параллельный экспериментальный процесс. Все эти люди работают независимо — у них нет денег, нет поддержки. И мне кажется, что это неправильно. Государство должно понимать, что именно они — те ростки, которые могут дать неожиданно богатые плоды.

Сегодняшний день мне напоминает то время, когда жили одновременно Станиславский, Мейерхольд, Таиров, Вахтангов. Их тоже ругали, над ними смеялись, их недопонимали. Но история все расставила по местам.

— Ваша любимая роль?

— По тому актерскому вдохновению, которое испытываю, конечно, Катерина Ивановна в "К. И. из "Преступления" — это самая любимая и опасная для меня роль и самая непредсказуемая. Это мой главный спектакль среди всех, которые я сыграла и продолжаю играть на сцене. Мы исполняем его четвером: я и трое детей.

Играем уже четыре года, объездили с ним полмира, но до сих пор он идет на аншлагах. Я от этой роли очень многое получаю и очень много отдаю ей себя. При этом я так же люблю всех других людей, которых мне приходится играть. Они живут со мной, и даже если я какую-то роль перестаю играть, то она все равно снится мне во сне, и я иногда плачу от того, что чего-то недоиграла. Все равно все они ходят вокруг меня.

— Вас воспринимают как острохарактерную актрису. Вы с этим согласны?

— Чувствую себя Двоймовичкой: Маленькой, хорошенькой во всех отношениях. Хотя зеркала при этом почему-то люблю. Но вижу всю несообразность своих внутренних ощущений с тем, что есть в зеркале.

Я иногда удивляюсь тому, какие роли мне предлагают режиссеры. Вот сейчас у Козака: девочка-психика. Но в этом и кайф моего положения, что можно меняться. Может быть, если бы я работала только у одного режиссера, может быть, он бы и видел меня только в одном амплуа... Мне нравится "скакать" из одного человека в другого. И когда я играю много, я нахожу чувство собственного "я". Может быть, поэтому мы и в актеры идем, чтобы, войдя в жизнь другого человека, ощутить себя в разных ситуациях, качествах. Ведь жизнь не дает такой возможности!

— Оксана, у вас ведь не только в творчестве все нестандартно, но и в жизни: выйдя замуж за американца, вы не ринулись радостно в Америку, как сделали бы на вашем месте многие, а живете с мужем в Москве. Почему?

— Мы с Джоном познакомились в Москве, когда он был здесь на практике как аспирант Гарвардского университета. Посумасшедшему влюбились друг в друга и поженились. Жили в Люберцах. В соседнем магазине была только сметана, и я пекла блины. Больше есть было нечего. И в общем-то, по моим понятиям, нормально жили и были счастливы. Но потом, когда я поехала на гастроли в Америку (Джон был со мной), то поняла, что Джон мог бы жить в совершенно других условиях, в тех, к которым он привык. И когда мы стали обсуждать вопрос, где жить, то Джон сказал, что я не должна себя подчинять чужому миру, которому не принадлежу. Ты русская актриса, импровизационная, непредсказуемая, в чужом языке и в чужой среде ты никогда не будешь такой же свободной в своем творчестве, как у себя на родине. — "А ты?" — спрашивала я. "А я, — сказал он, — писатель. Мне все равно где писать". В общем, он меня убедил, и я ему за это благодарна.

Джон работает в "Москоу таймс". Он — театральный обозреватель. Единственное, он никогда не пишет о тех спектаклях, в которых я играю. Считает, что это неэтично.

Беседовала
Татьяна СЕМАШКО.